

WWW.UNILIB.RS

УНИВЕРЗИТЕТСКА БИБЛИОТЕКА

№ 15.

Београдъ 12. Априла.

МОЛИТВА ВАТРЕНОГЪ СРБИНА СУДБИ.

О поразо, намѣрена мон!
 Докадъ ће ми ядикуват' вила
 У каџезу заточеню глупомъ?
 Докадъ ће јој подъ оковомъ тешкимъ
 Мрске дане спроводити воля?
 Докадъ строга владалнице моя!
 Подъ бичъ лютый стениат' ће јој права?
 Ахъ нѡй кости иструнуше видимъ —
 Косовлянко! не чин' већъ неправду,
 Но поштеди, не поштедивъ множество..!

Освободи умртвљѣну желю,
 Заробници посестримѣ старой!
 И мен' искру крозъ прозрачне кости,
 Искру огня, у њѡй ми поклонѣ:
 Да м' освѣтли путъ мой будућности,
 Кудъ ми мелемъ чрезвичайно расте! —

Пушти вилу, кадъ ми вели „Србе!
 Докъ с' у духу я находимъ уфай“,
 Да не вири крозъ решетку злобе. —
 Не веж' руке свободноме духу,
 Довольна су гоненія твоя. —
 О молимъ те, и капу ти скидамъ,
 Врати мое драгоцѣнно благо!
 Пригни вилу, съ найвишега холма,
 Да покликне, како зна најболѣ:
 Првѡй къ мени махъ прошлости брже..!
 Наду!.. не бой с'..! шатъ и болѣ буде:
 Четрдесетъ ево и годъ шестѡй! —
 Пѣи, проклетогъ ласкательства судбе!
 Свакогъ года исто да м' обриче!?
 Доста вели „кадъ духъ не умре,
 И на врѣме кадъ ти се отлаже.“ —
 Овимъ сужню и мен' да се бечи?
 Да већъ цркне, не васкрела нигда —
 Тко ню пыта за утѣху такву? —
 Но да сяше, къ томъ в моя желя.

На плачь виле текъ се одзивъ дже,
 Да изъ грла права нѡй изклѣштимъ,
 И одъ муклогъ да јој створимъ ясно. —
 А да с' ярамъ съ леѣа нѣны свали:
 Некъ та макне, руку, безъ двѣ стага,
 То я желимъ, а на трупь јој цаба...!

У Црной Гори.

Г. Срднѣъ.

АЙДУКОВА ЛЮБА.

(Продуженѣ.)

Нѣколико сувы грана и трновны 'огранака
 гораху на ѣдномъ полаобалѣномъ огньишту, и
 освѣтляваху яснимъ пламеномъ узку, одъ пете-
 саного камена саграѣну колибу. Стараць в-
 данъ съ грбавымъ носемъ и разбарушенима сѣ-
 дима власима, грѣао е руке на ватри, око кое
 се сушише нѣка земляна, скоро направљѣна по-
 суѣа. Стараць махаше главомъ, изговарајући
 рѣчи нѣке старе айдучке пѣсме, кою е едно по-
 лунаго дѣте съ разпуштенима витицама скаку-
 тајући попѣвало. Опалѣно нѣгово лице, бли-
 стаюће нѣгове очи, нѣгова хитрина у играню а
 и гласъ даваху му достоинство духа, кога е ка-
 ковый старѡй волшебникъ изтерао изъ нѣдра
 землѣ. Ненадано шушканѣ прекине забаву; ста-
 раць зграби своѣ пиштолѣ и скочи на врата, а
 ли већъ су была изостављѣна.

На прагу стааю е лѣпо израшѣенѡй мла-
 дићъ; ятаганъ сѣваше му у десници, а шукомъ
 држи дѣвойку. „Ма да си тво,“ повиче, „пусти
 насъ у колиби твојој починаuti.“

Стараць покаже ћутајући на јѣду гомилу
 сувога лишѣа, кое е у ѣдноме углу колибе ле-
 жало, претвори опетъ извалѣна врата, мане
 главомъ на дѣте и почне на ново гредати свое
 руке, и то тако спокойно, као да никога ту и

нема. Малай дѣчко донесе еданъ великій навезъ, у коме су нѣке дебеле препелице спава-ле. Непознатыи спусти лагано млада дѣвојку на лишће и справляше вечеру. Докъ е онъ не-обычнѡмъ вѣштиномъ препелице клао, чупао и на танко пруже натицао, сматраше га окретный деранъ съ неодвраћенима очима.

„Лѣпъ човекъ!“ помысли дѣте у себи, „да самъ и я нешто као онъ! Штета само што му е стара губа; штета што нема пиштоля! шта е човекъ безъ пиштоля?“

Дѣвојка се обзираше у колиби и погледаше нехотице на избавителя своего. „Лѣпъ човекъ!“ помысли она у себи; „нако му е благородно лице! Не, онъ неможе рѣавъ человекъ быти! Штета само, што се тако лѣпа споляшность кодъ едного простаго айдука налази!“

„Лѣпъ человекъ!“ помысли стараць у себи, сматраюћи непознатого изподъ очію. „Онъ е ушао као храбаръ мужъ и изгледа као храбаръ человекъ! Но, заръ самъ я горый быо у моію младости? Штета само, што нѣ у планини; овде не га Турци узебати, а особито кадъ съ о-вомъ дѣвојкомъ тумара.“

Айдукъ печући свое яребице, насмѣе се и рече: „Зашто ме дѣвојко съ толикимъ презрѣніемъ гледишь? вальда ти е сиромыхъ айдукъ несносанъ? — А ты малай ѣволе, што си упилю очі у мене? заръ ты ниси наше юнаке виѣао? Почекай мало докъ порастышь, постатѣнешъ и ты юнакъ, пакъ нешь и златомъ оковане пиштоль имати. Ты старче, погледай ме управо, а не са стране, немой сабирати чело, учи ме найпре познати, па онда суди!“

Рѣчи айдука поставе ий свеколике у удивленіе, тимъ више, што онъ нѣ ни ока снѣдао са своего печеня.

„Чуй, любезни старче,“ рече онъ далѣ; „знашь ли ты ону пѣсму :

„Знашь ли Мишо кадъ Юва -й храбро
Нап'о Турке ноу изненада.“

Очи се у старца засвѣтле, нѣгове руке почну нехотице бркове засукивати, мане лукаво главомъ, и зграби едну олупану тамбуру, па удараюћи у ню запѣва дръвѣнимъ гласомъ:

„Исподъ црны пушећи с' облака,
Гди е страха и грома колъвка,

Бурѣ хую а мунѣ сѣваю,
Там' е соко начинію гнѣздо,
Да меѣ' небомъ и земльомъ борави: —
Тамъ на оштромъ, высокомъ каменю,
Ено с' диже и голема кула...“

„Доста!“ повиче малай человекъ. „Доста!“ Тко е у време знао пѣвати, мора у време и ѣутати знати. Хвала ти на пѣсми. Вечера е наша готова, пріятельи! Ево дѣвојко, узми едну печену яребицу и едно парче хлѣба; убриши твое сузе и еди. Прошлость неѣе се више повратити, помысли на садашность — будућность не послати Богъ. Отче, кадъ си насъ угостио, а ты насъ и разговарай. Приповѣди намъ што-годъ изъ твоега живота.“

Стараць подигне еданъ камень, исподъ кога е быо еданъ тулумъ вина и една чаша сакривена. „Пійте, браћо! Я хоѣу да ваше па-мететвованѣ пооштримъ; и я самъ вашъ братъ и пріятель, айдукъ, као и вы. Я самъ онай истый Юва, кога у пѣсми споминю! Првый самъ путь у бреговима Сулѣ видію свѣтъ, быо самъ храбаръ айдукъ и поштень человекъ; моя сабля нѣе нигда фалила, нити е моя пушка у вѣтарѣ гаѣала. Едномъ се посваѣамъ са старешинама Сулѣ; заповѣде ми да се удалимъ; я отидемъ и устремимъ се ноу на неприятељскій станъ. Одъ лютинѣ сѣкао самъ на све стране. Да мѣ нѣе тана едного Яничара, кои е на стражи сто-яо, погодило, сто бы Турака сатарію и носію бы мою саблю и данъ данашный. Тана ме яко у ногу рани, и тако паднемъ безчувственъ на землю, а неприятели ме заробе. Чимъ самъ до-знао, да не ме на муке меѣати, учинимъ се лудъ. Неприятели одложе мученѣ до моего оздрав-лѣня. Вы добро знате, како штете и почитую Турци будале. Кадъ виде, да я къ себи недо-лазимъ, пусте ме после тримѣсечного затвора. Одъ то доба лунямъ се око Янине као мнимый будала, правимъ земляно посуѣе и тимъ се при-ранюемъ. Ранѣна нога недопушѣа ми, да саб-льомъ у руци мое отечество бранимъ. Али за-то бѣше моя колиба често приѣѣжиште несреѣ-ны лица, кое е бѣсный вукъ, Али Паша, гонію. Веѣъ има двадесетъ година, како на тай на-чянѣ живимъ. Я самъ познать овде подъ име-номъ лудый Юванъ. У моима рукама неѣе ви-ше ятаганъ блистати! Една ми е іоште желя остала: воздухъ Сульотски брегова почрпсти, пакъ немаримъ таки умрети. Горко е, са спуш-тенымъ на крыло рукама умрети! Чуй айдуче

Али Паша се справля Сулю напасти; кадь стигнемъ у гору, датѣшь ми єдну пушку. Състи ѣу на уходу каквога теснаца, старъ самъ истина, но мое око вѣрно, а рука ме неће издати. Желію бы да пре, него што умремъ, іоште каквога пса, каквога бизурмана съ овога свѣта оправимъ. Но храбрый айдуче, хоѣшь ми учинити то задовольство?"

В "Почитаня достойный старче — Твоя ѣе се желя испунити. Послушай ме дакле и испуни оно, што я будемъ изоставію. Мой є отаць быо айдукъ. Я се зовемъ Марко. Као дванайстольтно дѣте почнемъ тумарати по планинама Суль, біюћи се поредъ моего отца. Єданъ данъ наднемъ у руке старому вуку Али Паша; но нѣкій добаръ мужъ спасе ме. Мой се отаць закуне, да ѣе му ову услугу на достойный начинъ повратити. Но тко може за будѣность добаръ стаяти? Мой отаць падне, пре него што бы испунио нѣгово обѣнанъ. Благодарность є была прво чувство, кое ми є мати у срце уливала. Два-путъ самъ покушавао, да завѣтъ моего отца рѣшимъ, па никако ми ніє за рукомъ изићи могло. Чувши єдномъ, да нѣкій крвожедный любимаць Али Паше моего добротвора гони, похитамъ и трећій путъ въ нѣму, но текъ што се покажемъ у Яньини, ухвате ме проклети Шкипетари и одведу ме предъ Пашу. "Баците га гдигодъ, до даль заповѣсти," повиче вукъ, и после єднога сата наѣдемъ се у єдноме усамльеноме пустоме своду изподъ града одъ Яньине. Бавећи се онде два мѣсеца дана, осѣтмъ, да ми силе малаксаваю. Знао самъ да ѣе се моя тавница срамномъ смрѣу окончати, и ова мысао доведе ме до очаянія. Мой є отаць погинуо съ пушкомъ у руди, мой дѣдъ такоѣръ, а я? — Но Богу буде угодно, да моя страданя край дочеваю. Вечерась укажу се два човека на вратима куле, у којой самъ затворенъ быо. "Устай, младый человекъ," рече єданъ одъ главе до ногу наоружаный Арнаутивъ, гураюћи ме ногомъ. — "Устай, мы смо дошли, да ти то гвозѣе съ руку скинемо, и у ново те теже и яче окуємо. Сутра ѣешъ изићи предъ везира. Макни се дакле; одавно те колаць очекує. — А ты, маторый псе, шта зіяшь? прихвати се посла!" преговори заповѣдаюћимъ гласомъ тавничару. Докъ ми є уплашенъ тавничаръ гвозѣе скидао, имао самъ прилику наоружаного Арнаутина крадомъ промотрити. Онъ є быо єданъ одъ найгрозній извршителя Алины налога. Моя крвь доѣе у ватру. Текъ што пад-

не гвозѣе съ мои руку, вграбимъ ятаганъ Албанезу иза пояса, и сюримъ га до држка у прси тога угурсуза. "Аманъ еѣенди!" повиче уплашенный вратаръ, и бади се пред-а-ме на колѣна. "Заръ ѣешъ да ме безъ противлѣня погубишь?" Мѣсто одговора слипимъ му турбанъ съ главе, и запушимъ му нѣиме уста. Затимъ вежемъ маторому псу руке поясомъ, и утврдимъ га на єдноме ланцу, кои є о зиду висію. Пре него што затворъ оставимъ, завиємъ се у губу убієного Арнаутина, уземемъ машалу заєдно съ єднымъ завежляемъ конопаца одъ вратара, и будемъ у єдноме минуту изванъ бедема. Непозорность Караогловы войника даде ми времена, да уже на єданъ старый топъ утврдимъ, по коме се са висока зида доле спустимъ. Баровитый, рогозомъ обрашѣный предѣль закаснѣваше мое бѣгство. Текъ што ми за рукомъ изиѣе, да ово мѣсто оставимъ, кадь ал' изненада чуемъ вику: "Хватайте га! убійте Каурива!" А куршуми почну ми око ушию звиждати. Тада натрапамъ на ову дѣвојку, зграбимъ ю и хитимъ се съ нѣоме заєдно у рибарскій чунъ, пребродимъ єзеро и доспѣмъ у твою колибу."

"А зашто ниси и вратара на онай свѣтъ послао?" запыта стараць.

"Нашто беззащитного старца убіяты!" повиче нѣжна дѣвојчица.

"Тимъ боль!" мысляше старый айдукъ. "Онъ є бизурманъ ако и неаоружанъ. Поганика не треба штедити."

"Штета!" прихвати младый айдукъ рѣчь. "То ми ніє вало на память! — Дакле, дѣвојко, садъ є редъ на тебе дешао; приповѣди намъ твоя страданя. — Тво є быо твой отаць?"

"Господинъ Бонароти," одговори дѣвојка. — "Ты се чудишь, Марко? Да ниси познавао Г. Бонароти? Говори! Наравно, тво ніє нѣга познавао? Гласъ о имени нѣговомъ допрео є и до ваши планина. Везиръ є моему отцу завидію; — ніє чудо! — онъ є быо богатъ, добротворанъ и —"

"Имао є лѣпу ћерчицу!" придода брзо младый айдукъ; "то є довольно, да старого вика противъ себе раздражи."

Дѣвојка спусти очи; старый Іованъ погледи на Марка вртећи главомъ: "Познає ти се

брате, да си съ Французима посла имао! Како бы таково што предъ едномъ дъвойкомъ рекао! настави даль, вѣри моя.“

„Послушай ме Юване“ рече дъвойка, окренувши се къ старцу. „Караогли, старый непріятель наше фамиліе, употребивши мрзость противъ моего отца на свою позу, опадяе га безъ основа. Наскоро се неповольный гласъ о моему отцу разпростре. Али га назове издаицомъ и нарушителѣмъ обштега мира. Пре три дана обколи нашу кућу една чета Арнаута. О ужасне опомене! Мои родители, браћа и сродници, сви буду поубіяни. Само я останемъ жива. Злочиваць присвои отца моего благо, а я утечемъ одъ нѣгове мишице!“

„Чуо самъ о несрећи твоега отца, и знамъ, да су те Шкипетари (Албанези) три дана тражили, но мы ћемо те подъ нашу заштиту узети. Нѣколико дана можешъ у едноме тайноме углу мов колибе провести. Али гдѣ ћешъ се доцнѣ прикрити? Тежко оному, кои те подъ свой кровь узме!“

Дъвойка спусти жалостно главу и neodговори ништа. Марко, погледавши дражестну Савку, почне ватренно: „Ты си ћерка едного Господина, а я самъ простъ айдукъ. Негледай ме презрительнымъ окомъ: предъ Богомъ смо сви равни. У планини имамъ кућу, у кући обитаваю добри люди, тамо живи моя мати и две сестре. Они ће те као члена свое фамиліе примити. Тамо нећешъ наћи ни скупощны дивана, нити красны сѣница; твоя ће младость быти заштићена умѣрено высокими зидовима и пажњомъ, као што в Сульоти слабѣму полу и едному добротвору указую. Поћи са мномъ!“

(Продуженіе слѣдую.)

МУДРА И ПРАВОУЧИТЕЛНА ИЗРЕЧЕНИЯ.

(Изъ причта извезо Тодоръ Влавић.)

Мудрога срце претня сокрушава; а безумный ни бой не чувствуете.

Мужу смыслену неизбѣжима в брижливость; безумному в размышлѣніе о злу.

Предъ очима Божиима сви су путови човека, а од-туда быће му в провиђено.

Законопреступленіе човека уловляваю, а у плѣну нѣговомъ затезливъ в.

Кои прима наказаніе, животомъ се благимъ гріе; а хранѣни обличенія, умудрава се.

Како годъ што свагда пре порушенія каквога нибудъ праведнога станя човечіега предварава досада, тако исто пре паденія злопомышлѣніе.

Славный в мужъ кроткодушанъ смиреніемъ, а не кои дѣли користи съ досадительима.

Што в человекъ више разумнія о вышимъ стварима, то све више блага находи.

Не редко се случава, да се премудри и разумни злима наричу, а сладки у бесѣди више чувени бываю.

Источникъ благъ в живота разумъ свакому, кои га сачува; а наказаніе безумны зло в.

Срце премудрога уразумева што му излази изъ свои уста, и свагда му в разумъ у нѣима.

Сатови медовни то су добра изреченія човека, а сладость нѣюва лукъ му в души.

Путови живота нису ништа човеку, кои се текъ мило быти добаръ безъ разућеня, и такви на послѣдакъ воде га у дно ада.

НОВА КНИГА.

Свилодѣлив. Ясно поученіе о подрањиваню дудова; о мѣсту, гдѣ се свилене бубе држе; о неговашно свилены буба и производу свиле. Издано изъ Канцелларіе Попечительства Внутренни Дѣла Княжества Србіи. У Београду, у Правительственной Книгопечатни 1846. — На 8-ку, стр. 61.

У последнѣмъ числу овога листа на страни 56., у другомъ шпалту, врсти 17. треба читати, „Да нисмо мы“ у место „Да имамо мы“

Учредникъ Милошъ Поповићъ.

Издано и печатано у Правительственной Книгопечатни у Београду.